

ПРОТИВ РЕЦИДИВОВ АНТИПАТРИОТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Перед литературной критикой стоит большине задачи: разрабатывать вопросы социалистического реализма, всемерно содействовать расцвету советской литературы, повышению ее роли в коммунистическом воспитании. Каждая серьезная попытка теоретически охватить насущные проблемы советской литературы, каждое содержательное выступление, посвященное творчеству советских писателей, встречается нашими читателями с интересом и одобрением.

В новом номере журнала «Новый мир» опубликована статья А. Гурвица «Сила положительного примера», посвященная большой и важной теме — созданию в художественной литературе образа положительного героя.

В первой части статьи критик утверждает, что великие русские писатели не создали полноценных образов героев, обладающих силой положительного примера. Если бы были «бесспорные положительные образы», то «кто бы исключительно женился». Правда, образы эти, по признанию критика, обнаруживали свою достоинства «только в одной области отношений... в любви». Если верить критику, то русская действительность не давала писателям достаточного материала для создания образов «самых передовых людей своего времени», что ее герои принадлежали к различным типам «праздных людей».

Таково первое положение, выдвигаемое критиком.

Во второй части статьи ставится задача: показать, как решается вопрос о создании образа положительного героя в советской литературе. Если в первой части статьи критик для своих выводов стремился привлечь классическую литературу в целом, то во второй — главной части статьи он из всей советской литературы по существу берет одно произведение — роман В. Ажаева «Далеко от Москвы». Противопоставляя книгу В. Ажаева другим художественным произведениям, А. Гурвич утверждает, что «именно этот роман является сейчас ключевой позицией на важнейшем, трудовом фронте советской литературы. От него идет прямая дорога поэзии великих стройкам коммунизма».

Таково второе положение, выдвигаемое критиком.

В основу эстетических требований, определяющих подход к анализу литературы, критик положил утверждение, что «естетическая форма самосознания имеет свою предмет. Этим собственным и всеобъемлющим ее предметом является духовный мир человека». Наличие в произведении неких «резервов человеческого духа» является главным критерием художественности.

Таково третье положение, выдвигаемое критиком.

Обращаясь к русской классической литературе, автор статьи утверждает, будто русская литература не смогла в число своих главных действующих героев включить передовых людей своего времени. По мнению его, в русской классической литературе — «той или иной форме, передко в искаженном виде, выражавшихся отдельными чертами в руках писателей».

Каждому мало-мальски знакомому с русской литературой ясно, что это утверждение критика противоречит исторической правде. Еще Белинский более ста лет назад в своей статье «Мысли и заметки о русской литературе» писал: «Литература была для нашего общества живым источником даже практического нравственных идей», а в знаменитом письме в Гоголю он с гордостью говорил о том, что русское общество «питает в русских писателях своих единственный вождь, защитников и спасителей от русского самодержавия»...

Кому не известно, что передовые русские писатели развили благородные патриотические и освободительные идеи! И разве не ясно, что эти идеи воплощались в определенных образах? Весьма значимо, что, говоря о значениях передовой революционной теории, Владимир Ильин Ленин в 1902 году напоминал «о том всем миром значении, которое приобретает теперь русская литература»...

Передовые русские писатели, чутко откликнувшись в запросах жизни, создали в своих произведениях ряд образов положительных героев, чей благородный пример активно воздействовал на прогрессивные силы общества, воспитывал их. Нельзя подходит к героям прошлого с той же меркой, как к героям нашего, советского времени. В конкретно исторических условиях жизни выделяются определенные типы передового человека своей эпохи. Только с точки зрения исторической обусловленности и можно верно судить о том или ином герое литературы. В произведениях Грибоедова и Пушкина, писателей-декабристов, в произведениях Тургенева, Островского, Герцена, Чернышевского, Некрасова и многих других писателей были показаны положительные герои своего времени.

А как подходит к русской литературе

автор статьи в «Новом мире»? Он по существу отрицает даже силу примера образа революционера Рахметова. Но сужению критика, герой романа Чернышевского «Что делать?» Рахметов — «не только эпизодическая фигура, но и вставная... Он не участвует в действиях, то есть в движении самой жизни...». Иначе говоря, получается, что Рахметов — фигура не жизненная, не реалистическая.

На самом деле образ Рахметова воплощен в себе характерные черты профессиоナルного революционера шестидесятих годов, выкованного русским революционно-демократическим движением. Известно, как высоко ценил В. И. Ленин роман Чернышевского «Что делать?». На этом произведении воспитывались поколения пролетарских революционеров. «...Ни раньше, ни позже не было ни одного литературного произведения», — пишет Георгий Димитров, — которое так сильно повлияло бы на мое революционное воспитание, как роман Чернышевского... Мой любимец, в особенности, был Рахметов. Яставил себя целью быть твердым, выдержаным, забывать в борьбе с трудностями и лишениями свою волю и характер, подчинять свою личную жизнь интересам великого дела рабочего класса, — одним словом, быть таким, каким представлялся мне этот безупречный герой Чернышевского».

Даже в творчестве Чернышевского, который, как писал В. И. Ленин, умел черезевые проповеди проводить идею крестьянской революции, критик не заметил яркого вспомоществования типа положительного героя-борца. Замолчала эта выдающаяся достижение классической литературы — значит пройти мимо вспомоществования в ней революционной традиции русского народа, традиции, дородой для каждого советского человека.

Русский народ, первый в мире совершил социалистическую революцию и построивший социалистическое общество, правда гордится своими революционными традициями. Он законно гордится и русской классической литературой, выделяющейся в мировой литературе своими передовыми образами «самых передовых людей своего времени», что ее герои принадлежали к различным типам «праздных людей».

Таково первое положение, выдвигаемое критиком.

Во второй части статьи ставится задача: показать, как решается вопрос о создании образа положительного героя в советской литературе. Если в первой части статьи критик для своих выводов стремился привлечь классическую литературу в целом, то во второй — главной части статьи он из всей советской литературы по существу берет одно произведение — роман В. Ажаева «Далеко от Москвы». Противопоставляя книгу В. Ажаева другим художественным произведениям, А. Гурвич утверждает, что «именно этот роман является сейчас ключевой позицией на важнейшем, трудовом фронте советской литературы. От него идет прямая дорога поэзии великих стройкам коммунизма».

Таково второе положение, выдвигаемое критиком.

В основу эстетических требований, определяющих подход к анализу литературы, критик положил утверждение, что «естетическая форма самосознания имеет свою предмет. Этим собственным и всеобъемлющим ее предметом является духовный мир человека». Наличие в произведении неких «резервов человеческого духа» является главным критерием художественности.

Таково третье положение, выдвигаемое критиком.

Обращаясь к русской классической литературе, автор статьи утверждает, будто русская литература не смогла в число своих главных действующих героев включить передовых людей своего времени. По мнению его, в русской классической литературе — «той или иной форме, передко в искаженном виде, выражавшихся в руках писателей».

Родоначальник литературы социалистического реализма гениальный писатель Максим Горький высоко ценил благородные традиции русской классической литературы, творчески развивал их. Уничтожил славу литературы памяти Родины. Еще до Октябрьской революции он умер в пролетарской среде героя — преобразователя мира и сделал его центральным образом своих произведений. Горький первый в мировой литературе с непревзойденной художественной силой создал замечательный образ русского революционного рабочего героя — борца за свободу, строителя новой жизни.

Либерман был бы блажен для Гая! Либерман всегда здесь явная недобросовестность: в письме И. Ногодина: «Мой друг» не тех поучений Гай, о которых пишет критик, слова эти принадлежат Гай, а другому лицу. Еще более странно, что критик пытается представить человека, который работает по принципу «общими, укрытии, корытии, на бога взыски», типично преступлением коммунистов первых деревенских пятилеток, то есть тех, кто строил ДнепроГЭС, Магнитогорск. Сталинградский тракторный завод, кто создавал могучую социалистическую индустрию.

В статье также противопоставляется роман В. Ажаева произведению В. Пановой.

И вновь здесь видна не забота критика о развитии советской литературы, не принципиальная и в то же время товарищеская

критика недостатков в творчестве того

иного писателя, а стремление предстать передо мной как якобы, кроме романа «Далеко от Москвы», в советской литературе нет ничего выдающегося, значительного. В статье делается также необоснованное обвинение в адрес В. Пановой, что ее талант «берет на себя чужую ему мысль, защищает старое от нового».

Пет, не забота о росте советской литературы видна в статье А. Гурвица, а, наоборот, стремление столкнуть советских писателей между собой и умалить, принизить достижения советской литературы в целом.

3

Серьезное возражение вызывает трактовка А. Гурвица некоторых вопросов эстетики. Своя предмет искусства только некому абстрактному «душевному миру человека», критик вступает в явное противоречие с основными требованиями марксистской эстетики.

В письме к М. Горькому В. И. Ленин писал: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне». Изображая героя, нельзя отрывать их душевного мира от их деятельности, от их общественной, политической и трудовой практики.

Известно, что социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника прямого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности долж-

но сочетаться с задачами идеальной передачи и воспитания трудающихся в духе коммунизма. Правдивость, идеальная направленность — вот первый критерий, предъявляемый социалистическим реализмом к художественному творчеству. Критик же утверждает нечто прямо противоположное. «Незвестная величина», — пишет он, — наст которой бьются поэты, — это резервы человеческого духа. В каких бы формах ни проявляла себя эта сила, она общепонятна. Она объединяет людей, разделяемых пространством, временем, уровнем культуры, родом занятий». Под такими рассуждениями подпишется любой представитель буржуазной эстетики.

С таких порочных позиций критик и подходит к анализу романа В. Ажаева «Далеко от Москвы». Он не отвечает на главные вопросы: какие характерные явления в жизни страны нашли отражение в романе? Насколько жизненно правдиво и художественно ярко изобразил писатель в своем произведении? Как указания партии по идеологическим вопросам помогли писателю глубже осознать развитие нашей действительности и более правдиво отобразить их в романе? Этими вопросами критик не интересуется.

На художественных умозаключениях пространа большая часть анализа действующих лиц романа. Батманов рассматривается лишь как воплощение воли, а Залкина — воплощение ума и человечности. Возвысив начальника Батманова над всеми положительными образами советской литературы, критик теперь, противопоставляя его А. Солженицыну, пишет: «...Есть сфера чувств и отношений... пишет критик, — рядом с Вороновым также хотелось увидеть в литературе яркую фигуру руководящего деятеля-коммуниста не только как олицетворение вдохновения советского народа, но как фигуру типичную и вместе с тем индивидуально выработанную, с резко очерченным характером, фигуру, существующую самостоятельно... И вот явился Батманов».

Искусственно противопоставляя этих героев, критик, вопреки фактам в рассуждении, не останавливается перед искалечением фактов. Например, сравнивая образ Батманова с образом Гая из ранней пьесы И. Ногодина «Мой друг», он воспоминает:

«Какая пропасть отделяет Батмановых от того типа командиров первых деревенских пятилеток, ярким воплощением которых был образ Гая в пьесе И. Ногодина «Мой друг»... Вспомните, как походит Гай своего помощника: обмыли, укрытии, корытии, на бога взыски — лишь бы выполнить задание и дать стране новое мощное предпринятие. После разберемся...»

Критик правильно отмечает, что в романе хорошо показан коллектив. Но при анализе произведения он не раскрывает, каким образом писатель творчески решил эту задачу. Известно, что лучший руководитель любого советского коллектива являются коммунисты, партийная организация. Так это и показано в романе «Далеко от Москвы». Между тем критик, в своей пропасти отчаянно ищущий в творчестве Гая и Залкина, пытается представить человека, который работает по принципу «общими, укрытии, корытии, на бога взыски», типично преступлением коммунистов первых деревенских пятилеток, то есть тех, кто строил ДнепроГЭС, Магнитогорск. Сталинградский тракторный завод, кто создавал могучую социалистическую индустрию.

В статье также противопоставляется роман В. Ажаева произведению В. Пановой. И вновь здесь видна не забота критика о развитии советской литературы, не принципиальная и в то же время товарищеская

критика недостатков в творчестве того

иного писателя, а стремление предстать передо мной как якобы, кроме романа «Далеко от Москвы», в советской литературе нет ничего выдающегося, значительного. В статье делается также необоснованное обвинение в адрес В. Пановой, что ее талант «берет на себя чужую ему мысль, защищает старое от нового».

Пет, не забота о росте советской литературы видна в статье А. Гурвица, а, наоборот, стремление столкнуть советских писателей между собой и умалить, принизить достижения советской литературы в целом.

3

Серьезное возражение вызывает трактовка А. Гурвица некоторых вопросов эстетики. Своя предмет искусства только некому абстрактному «душевному миру человека», критик вступает в явное противоречие с основными требованиями марксистской эстетики.

В своей статье критик подчеркивает, что «силы положительного примера» содержатся в отдельных нетипичных и ошибочных частностях порядка, не было бы нужны столь подробно останавливаться на них. Однако содержание статьи показывает, что перед нами рецидив антипатриотических взглядов.

В рассмотреваемой нами статье сознательно и виновно изображаются в образах героев советской литературы, которые не могут изменить основного порочного ее характера.

Служащими ли ошибками критика А. Гурвица? Пет, не случайны. Известно, что советская общественность в 1949 году разоблачила и осудила деятельность антипатриотических группировок в литературной критике, в которых находились коммунисты, партийная организация. Так это и показано в романе «Далеко от Москвы». Между тем критик в своей пропасти отчаянно ищущий в творчестве Гая и Залкина, пытается представить его как якобы, кроме романа «Далеко от Москвы», в советской литературе нет ничего выдающегося, значительного. В статье делается также необоснованное обвинение в адрес В. Пановой, что ее талант «берет на себя чужую ему мысль, защищает старое от нового».

Пет, не забота о росте советской литературы видна в статье А. Гурвица, а, наоборот, стремление столкнуть советских писателей между собой и умалить, принизить достижения советской литературы в целом.

Серьезное возражение вызывает трактовка А. Гурвица некоторых вопросов эстетики. Своя предмет искусства только некому абстрактному «душевному миру человека», критик вступает в явное противоречие с основными требованиями марксистской эстетики.

В статье критик подчеркивает, что «силы положительного примера» содержатся в отдельных нетипичных и ошибочных частностях порядка, не было бы нужны столь подробно останавливаться на них. Однако содержание статьи показывает, что перед нами рецидив антипатриотических взглядов.

В рассмотреваемой нами статье сознательно и виновно изображаются в образах героев советской литературы, которые не могут изменить основного порочного ее характера.

Служащими ли ошибками критика А. Гурвица? Пет, не случайны. Известно, что советская общественность в 1949 году разоблачила и осудила деятельность антипатриотических группировок в литературной критике, в которых находились коммунисты, партийная организация. Так это и показано в романе «Далеко от Москвы». Между тем критик в своей пропасти отчаянно ищущий в творчестве Гая и Залкина, пытается представить его как якобы, кроме романа «Далеко от Москвы», в советской литературе нет ничего выдающегося, значительного. В статье делается также необоснованное обвинение в адрес В. Пановой, что ее талант «берет на себя чужую ему мысль, защищает старое от нового».

Пет, не забота о росте советской литературы видна в статье А. Гурвица, а, наоборот, стремление столкнуть советских писателей между собой и умалить, принизить достижения советской литературы в целом.

Служащими ли ошибками критика А. Гурвица? Пет, не случайны. Известно, что советская общественность в 1949 году разоблачила и осудила деятельность антипатриотических группировок в литературной критике, в которых находились коммунисты, партийная организация. Так это и показано в романе «Далеко от Москвы». Между тем критик в своей пропасти отчаянно ищущий в творчестве Гая и Залкина, пытается представить его как якобы, кроме романа «Далеко от Москвы», в советской литературе нет ничего выдающегося, значительного. В статье делается также необоснованное обвинение в адрес В. Пановой, что ее талант «берет на себя чужую ему мысль, защищает старое от нового».

Пет

Стихи о великой стройке

О любви, о дружбе, о благородных делах советского человека рассказывает нам Евг. Долматовский в опубликованных в этом году в журнале «Знамя» двух больших циклах стихов: «О любви, о дружбе» (в пятом номере) и «У будущих морей» (в последнем, десятом).

Разговор о любви — это разговор о высокой советской морали, о богатом духовном мире советского человека. Но думается, что первый цикл во многом не удался поэту. Не удалось он главным образом потому, что некоторые из входящих в него стихотворений молчили по выраженному в них лирическому чувству. Поэту словно нечего сказать о характере, о душе своих героев, он склоняет по поверхности затронутых важных тем, не выявляя отдельно своей позиции, отделяется туманными, неопределимыми выражениями.

Этим особенно грешат стихотворения «Напрасно просите, друзья», «Были на земле стоя», «На работу, паверное, или в свой институт».

Было бы неправильно утверждать, что творческие все стихотворения цикла. Поэт стремится выйти за рамки сугубо камерных тем и чувств. Он говорит на языке чистой славы наших геройских деяний, об огромной вдохновляющей силе любви советских людей, показывает превосходство нашего мира над миром наших врагов, где «любовь превращена в товар и грызь». Но как только дело доходит до поэтического решения этих тем, автор часто ограничивается мелким философствованием и риторикой.

В этом цикле с особенной силой чувствуется недостаток творческой манеры Евг. Долматовского: разрыв между мыслью и чувством, рационализм многих его стихов. Зачастую поэт стремится высказывать свою мысль, не пытаясь облечь ее в поэтическую форму, не в форму стиха, а именно в поэтическую форму.

Так же, где поэт, «не мудрствуя лукаво», пишет о подлинных чувствах, он создает хорошие стихи: «Мы находимся в трудном возрасте», «Все боялись хлопот».

Таких глубоких и поэтических по замыслу стихотворений значительно больше в цикле «У будущих морей», посвященном стройкам коммунизма. В этом новом цикле особенно выделяются стихотворение «Море придет», пожалуй, одно из лучших среди опубликованных нашими поэтами в этом году стихотворений о великих стройках. Стихотворение отличается глубиной лирического чувства, переданного во внешне простой форме. Просто сложен: герой-моряки, обороняющие Стalingрад, поблагодарят о том, чтобы их могила ласкала морской прибой.

Было у хлонцев особое горе. Старый матрос говорил перед боем: — Коль погибать, так уж лучше на море. Если моря, пусть рядом с прибоем! Но умирали матросы на суше — «Черные дьяволы», светлые души.

И вот теперь для Стalingрадского моря возводится плотина.

...Входит в плотину могила над плесом, Море идет к стalingрадским матросам.

Эта простота — простота подлинной поэтической находки, вней кроется глубокая мысль: герой боролись за счастье мирной жизни, и стройки коммунизма будут лучшим памятником для них.

Несомненное преимущество второго цикла — в почти полном отсутствии умозрительности, надуманности. В нем чувствуется искренняя взволнованность поэта. В большинстве стихотворений он сумел лирически раскрыть свойства души советского

А. БОЧАРОВ

человека, его благородный характер. Во многом это определяется богатством жизненного содержания, перенесенного поэтом в самой действительности.

Тема строк коммунизма близка и дорога Долматовскому. Не случайно поэт пишет о Стalingраде и Волго-Донском канале, — он был там в годы войны. Сегодняшний день для него — продолжение вчерашнего.

С особым интересом внимательно поэт в жизни и быте строителей, искренне радуется всему новому: от детской железнодорожной лодки до нового водосела — «частинами величия плана».

Стихи этого цикла с большой теплотой говорят о встрече поэта со знакомыми и незнакомыми, но одинаково близкими ему людьми. Вместе со стalingрадцами он горячо обсуждает название безымянного пока города строителей канала, вместе со студентами-практикантами поет у костра юношеские песни. За многие десятки километров едет он, чтобы встретиться со своими бывшими товарищами по работе — московскими строителями. Он рад этой встрече здесь, на стройке: «Значит, правильно в годы ранние выбрали свой путь». И эта любовь, интерес к жизни создали искреннюю лирическость всего цикла.

Удачны стихи, посвященные теме исторического пути советского народа — пути, приведшему нас в сооружение величественных строев коммунизма.

Тему Долматовского раскрывает, как судьбу поколения людей, воспитанных в духе предвоенных сталинских патриотов, решавшей победы социализма, поколения, к которому принадлежат сам поэт. Вот он встречается с бывшими строителями, когда-то проявлявшими туинель под Москвой, а ныне опытными строителями Волго-Донского канала. Вот он видит инженеров, ранее строивших Волжскую ГЭС, «Чирчикстрой» и два Днепростроя (до войны и после войны), наводивших переправы через Вислу, Одер, Дунай.

Собрались сюда эти люди, — Значит, в срок Иль быстрей, чем в срок, Город встанет, плотина будет, Море вспенится, хлынет ток.

Евг. Долматовский передает пафос труда, направленного на укрепление мира. Стремление советского народа к миру находит в цикле самое разнообразное художественное воплощение — от авторского утверждения:

Построили свои стихи Евг. Долматовский, а потом на пути войны Построили сегодня стройки-исполны Преградой на пути войны

до создания развернутых поэтических образов в стихотворениях «Море придет», «Делегация немецких женщин».

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В ноябрьских книжках журналах

стихотворения словами одного из участников разговора:

Должен вам сказать по чести, Неизвестен наш предел, Нам сегодня лет на двести На планете хватит дела...

Так от простой бытовой зарисовки поэт идет к поэтическому обобщению, передает величие благородных помыслов и дел советского человека.

По стихотворениям, где Долматовский говорит о людях, о наших современниках, — наиболее удачны.

К сожалению, есть и в этом цикле стихотворения, где сохраняется холодная равнодушие, где раскрытие характера советских людей изменяется абстрактными рассуждениями. Смысла стихотворения «Мамонт» заключается в том, что «экскаватор мамонта открыл» и весь мамонт смог уместиться в ковше экскаватора. Заканчивается стихотворение словами:

Просто удивительно, как мал он Перед великанием наших лет!

Сравнение доисторического животного с машиной, созданной человеком, никак не раскрывает характера строителей коммунизма.

Показательным для силы и слабости всего цикла является стихотворение «Строитель ГЭС». Основная идея его — весь народ участвует в стройках коммунизма. Правильно начинает поэт раскрывать эту идею: токарю одного из сибирских заводов очень хотелось быть в Стalingраде и в дни героической обороны города, и в дни строительства ГЭС. Но ему каждый раз говорили, что он нужен на своем месте: «Всем уехать на Волгу нельзя». Автор хорошо показывает стремление лирического героя стихотворения — советского человека — к личному участию в великих событиях веек, к подвигу. Но вывод о том, что токарь выполняет сейчас заказ для великих строек и потому он тоже строитель ГЭС, Евг. Долматовский дает не раскрытым переживаниям героя, а в форме авторской лекции. И герой сразу превращается в фон в «пример» для выводов автора. Это, естественно, нарушает цельность лирического замысла стихотворения.

Подобный способ решения темы свойственен и некоторым другим стихам цикла. В стихотворении «Акация» поэт рассказывает о том, что быстрорастущая акация прикрывает сейчас на лесополосах молодые дубки. Когда же дубки вырастут, акация «зеленый труд» свой завершит сполз». И тут дается развернутое сравнение:

Так в пору стalingрадской обороны Держалось до подхода главных сил У Волги боевое охранение. (Руслан на этом склоне проходил...)

Внешне эффектное, это сравнение но сути ложно и неуместно: горячие, страстные люди, одушевленные высокими помыслами, превращаются в «пример», уподобляются академикам.

Следы поспешности чувствуются в стихах обоих никлов Евг. Долматовского (и особенно первого). Часто встречается неизбежное использование слова. Это сминает цельность восприятия многих стихотворений: «Тремя шершнями, как обороны» (но оборона не является шершнем), «сердце толчками бьется от ненависти и любви (а может быть и на туманах?)».

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов, — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает честные его внутренний сюжет, придает ему динамичность и любви (а может быть и на туманах?).

Лучшие стихи из цикла «У будущих морей» — лирический рассказ, углубленный воспоминаниями военных лет и первых патриотов — удача поэта, взволнованно и правдиво описавшего людей одной из строек коммунизма.

В построении своих стихов Евг. Долматовский часто идет от небольшого факта, мимолетного, казалось бы, наблюдения с широким обобщением. Такой прием не только создает конкретность опущений, но повышает накал лирического чувства стихотворения, делает

